

кадров для проведения этнополитики, особенно из числа «националов». Отмечал автор и крайне замедленное и недостаточное по масштабам пропагандистское обеспечение (перевод на различные языки общественно-политической литературы и т. п.).

В качестве пути выхода из создавшейся ситуации С. Диманштейн предлагал целенаправленную помощь консолидации современных наций там, где они еще не сложились естественным путем (в первую очередь, в Средней Азии) – то, что в современной англоязычной литературе принято называть «nation-building» (нациестроительство). Речь, разумеется, шла о формировании социалистических наций. Но даже с такими оговорками некоторые декларации автора выглядели почти еретически и явно шли вразрез с господствующим направлением большевистской мысли: ведь нация считалась не только исторически возникающей, но и исторически преходящей общественной группой, свойственной капиталистическому периоду общественного развития. Советская же власть, как это постулировалось уже в начале 1920-х годов, может обеспечить для народов, не прошедших стадию капитализма, прыжок сразу в социализм, следовательно, и минование «национального» этапа. Для консолидации новых наций С. Диманштейн предлагал, помимо создания «национальной» советской интеллигенции, развернуть исследование «национальных» историй, чтобы создать историческую картину более адекватную, нежели монопольно бытовавшая до того руссоцентристская «имперская» история. Кроме того, перспективным направлением работы он считал организацию в территориях с этнически смешанным населением национальных собраний для решений вопросов, касающихся лишь той или иной этнической группы, действующих параллельно с официальной системой советов и РКП(б). Хотя это и должны были быть собрания трудящегося населения, предлагалось не отталкивать от участия в них наличную «национальную» интеллигенцию, которая, в понимании большевиков начала 1920-х годов, не могла не быть «буржуазной». В случае реализации подобные собрания стали бы большим шагом в сторону пресловутой культурно-национальной автономии, против которой большевики со всей яростью воевали еще с ранних лет существования партии. С другой стороны, этнические представительные органы, не обязательно связанные с территорией и существующие параллельно с «официальной» системой государственных органов, напоминают распространившиеся в последней четверти XX века идеи мультикультурализма и консонациональной демократии.

Более поздние работы С. Диманштейна мало отличались от нарастающего потока апологетических сочинений других авторов. Заложив важные основы апологетической историографии, С. Диманштейн растворился в ее массе. В то же время, некоторые из его ранних идей получили неожиданное и «превращенное» осуществление в практике советской этнополитики; другие высказанные им мысли не дождались своего развития.

М.А. Поляковская (Екатеринбург)

Из архива профессора М.Я. Сюзюмова

Фонд М.Я. Сюзюмова, заведующего кафедрой Уральского университета, в Государственном архиве Свердловской области (ф. Р-802) содержит, согласно описи, 278 дел, относящихся к периоду с 1908 по 1978 г., т. е., за 70 лет его жизни. Хранящиеся материалы расположены в описи по хронологическому принципу. Что касается представленных жанров, они весьма разнообразны – от студенческого конспекта до диссертации, от рецензии до большого блока писем. Поскольку объ-

ем доклада на конференции не позволяет дать адекватную характеристику Фонда, сосредоточив внимание на тех неопубликованных материалах, которые могут представить интерес университетской публике. В докладе умышленно акцент сделан не на концептуальных исследованиях М.Я. Сюзюмова, а на некоторых «мелочах», позволяющих воссоздать в какой-то степени образ профессора классического «образца», уже ушедший из нашей пропитанной рационализмом жизни, и одновременно вспомнить о непростой жизни, выпавшей на долю ученых «старой школы».

Прежде всего, остановимся на так называемом «студенческом цикле». Дипломная работа студента Юрьевского (Дерптского, позднее Тартуского) университета Михаила Сюзюмова «Походы южно-итальянских норманнов против Византии 1081-1195 г. п.» (д. 3) получила в 1915 г. золотую медаль и дала право ее автору на написание магистерской диссертации. Хранящийся в архиве текст этого исследования имеет карандашные пометы его научного руководителя профессора Василия Эдуардовича Регеля (одного из основателей «Византийского временника»), по совету которого эта работа была подготовлена и сдана в 1917 г. в печать, но не была опубликована в силу германской оккупации Юрьева. Почти 30 лет спустя М.Я. назовет эту неопубликованную работу первой в списке своей кандидатской диссертации.

В целом, для студенческих работ М.Я. Сюзюмова характерно особое внимание к историческому источнику. Например, в его курсовой работе «Нерва, его личность и политика правления» (д. 2) четверть объема отведено обзору источников. О его студенческой статье «Об источниках Льва Диакона и Скилицы» (д. 4) Литографированный курс лекций по истории римского аграрного строя (лекции Э.Р. Фельсберга 1908-1909) начинаются с обширного обзора источников (д. 1).

Второй блок Фонда, который может быть интересен университетской аудитории – диссертационный. В год своего пятидесятилетия – вынужденно поздно! – М.Я. Сюзюмов защитил кандидатскую диссертацию (д.6-8), посвященную проблеме иконоборчества в Византии. Одним из оппонентов стал находившийся в Свердловске в связи с эвакуацией А.И. Неусыхин. Диссертация несет в себе печать времени – напечатана на плохой разносортной бумаге. Но одновременно она позволяет вспомнить всегда отличавшую ученого неординарность поведения. Трехтомному тексту диссертации предпослано *Praefatio ad lectorem*, где автор говорит читателю о трудностях военного времени, об отсутствии возможности получить новейшие исследования, о плохой копируемой бумаге и отсутствии машинок. Упомянув на то, что труд его попадет в руки просвещенного и понимающего читателя, диссертант заканчивает свое обращение к нему пожеланием благополучия: *Ita vale, Lector erudite*. Диссертация имеет латинское название – *De rebus iconomachorum byzantinorum disputatio* – с указанием времени ее выполнения как *Anno Domini* (1943), так и *Mundi* (7451). Особенно волнует посвящение диссертационной работы учителю Сюзюмова Василию Регелю: *Venerandae memoriae Basili Regeli magistri dilectissimi desideratissimi sacra*. Диссертация написана по классическим канонам. Тексту исследования предпосланы тезисы (*Summa sententiarum*), специальный раздел посвящен источникам (*Index fontium*)..

Докторская диссертация «Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма» (д.17-20) имеет общий объем более 1200 страниц. Общая концепция работы нашла отражение во множестве статей М.Я. Сюзюмова. Но вместе с тем диссертация хранит в себе огромный конкретно-исторический материал (к примеру, рассмотрение таких производств, как изготовление сыра, маринадов, копченостей; или такие разделы, как «Санитария и гигиена», «Бани», «Врачи», а также тысячи различных реалий жизни города).

В третий блок я бы выделила неопубликованные работы по методике преподавания истории в университете и судьбам исторического образования. Это статьи «О перестройке исторического образования в университетах», 1959 г.; «О судьбах исторического образования в СССР», «Проблемы преподавания средних веков в высшей школе», 1969; «Некоторые проблемы преподавания истории средних веков в высшей школе», 1971; «О самостоятельной работе студентов-заочников» (д. 80-85). Удивительно, что при всей своей академической увлеченности он успевал еще болеть и за подобные проблемы высшей школы. Все эти этюды остались лишь в архиве – ни одна из статей не была принята к печати. (трагедия провинциального ученого тех лет).

Значительную часть архивных материалов составляют письма, причем это не только полученные М.Я. Сюзюмовым письма, но и написанные им. Профессор был блестящим эпистоляром. Письмо было для него одной из основных форм научных контактов. Многие из византинистов старшего поколения помнят его письма, отпечатанные на верхнем регистре машинки с греческой клавиатурой (в «русскую» машинку в это время была вложена какая-нибудь статья). Михаил Яковлевич гордился, что он с немецкой пунктуальностью отвечал корреспонденту в день получения от него послания, а это отражало высокий градус его эмоций, который невозможен при отсрочке ответа на несколько дней.

Профессор Сюзюмов довольно часто обсуждал со своими московскими коллегами проблемы университетской жизни. Когда университетское образование на несколько лет стало четырехлетним (кажется, с 1964 г.), он написал в одном из своих писем: «Если не изменится это дюринганско-махистско-богдановское направление в организации университетского исторического образования – то у нас совсем не будет людей, читающих книги по византиноведению... Конечно, историческая наука в конце концов выживет, но не знаю, доживу ли я до этого: «покровщина» – очень трудноизлечимая болезнь – особого рода проказа на фронте исторической науки» (д. 153).

Но все же Михаилу Яковлевичу повезло – ученики у него были. В письме к Г.Л. Курбатову он, увлеченный идеей создания научной школы по византиноведению, определил основы школы, хотя в этом была, конечно, доля гротеска – он относил начало уральского византиноведения в годы Отечественной войны: «Школа уральская – с 1942 г., когда здесь, в Свердловске хранился эвакуированный архив Херсонеса, когда собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения» Михаил Яковлевич иногда вспоминал об этих вечерних разговорах в тяжелое военное время: каждый из гостей приходил со своим кусочком сахара. В письме определены и принципы школы: диалектический континуитет, историзм (начинать с генезиса); варварские вторжения – шаг назад; прогресс в средневековых обществах – на базе античного наследия; синтез – борьба влияний (а не кофе с молоком); налог и рента не сливались (централизованная рента – nonsens!); сильное влияние права; город всегда был центром развития (д. 154).

М.Я. Сюзюмов пережил немало сложных в политическом отношении периодов в жизни: арест, тюрьма, необоснованное обвинение в связях с иностранцами и даже в троцкизме (Государственный Областной архив административных органов. Д. 15799. Л. 242-242 об.). Не миновала его и судьба быть оговоренным коллегой (Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 75).

В докладе привлечена лишь незначительная часть материалов, хранящихся в архиве. Нами рассмотрен не смысл его научных изысканий, его идей. Хотелось воссоздать на основе архивных материалов личность ученого – человека парадоксального мышления, рыцаря высоких знаний, непреклонного борца за свои

идеалы, человека, каждодневно проявляющего свое по-юношески влюбленное отношение к прекрасной Даме – Клио.

Ю.В. Романенкова (Киев)

Художники итальянского и северного ренессанса глазами их первых биографов: специфика биографического жанра эпохи

Личностью, которой мы обязаны весьма обширными знаниями о творчестве многих деятелей художественной культуры периода Возрождения, был, безусловно, Джорджо Вазари. Именно он считается основоположником биографического жанра эпохи, тем «китом», на мощной спине которого держится едва ли не все искусствоведение. Без сомнения, именно благодаря Вазари мы и получили возможность составить себе представление и о колорите эпохи, об особенностях быта, о взаимоотношениях многих известных людей того времени. Но у «отца искусствоведения» были и предшественники. Правда, все они оставили после себя гораздо более скромное литературное наследие. Чаще всего они либо просто вкрапляли отдельные биографии в собрания сочинений разных жанров, либо останавливались на творческих биографиях лишь мастеров отдельно взятых регионов, но размаха, подобного Вазари, не имел никто, только он смог создать фундаментальный, комплексный труд, хотя и не лишенный ряда неточностей и белых пятен.

В середине XVI в. появился, правда, так и не завершенный «Кодекс Мальябекки» неизвестного доселе автора, который представляет собой некое подобие очерка по истории искусств; его вторая часть вмещает биографии флорентийских художников XIII – начала XIV в. Двадцать биографий художников вышли из-под пера флорентийца Джованни Батиста Джелли. Уже в XVII в. у аретинца появились и последователи, число которых увеличивалось с каждым годом – Беллори, Бальдинуччи, Бальоне и др. Не отставали и французы, голландцы, испанцы, англичане, которые шли по тому же пути, но с учетом стилистического отставания в их державах по отношению к Италии.

Сам «отец истории искусства», Джорджо Вазари, был и живописцем, и архитектором, а потом уже великолепным биографом. Конечно, масштаб личности Вазари уже несопоставим с масштабом таланта универсальных личностей Высокого Ренессанса. Он всю жизнь будет находиться под влиянием Микеланджело, который будет для него непревзойденным кумиром. Это видно из многого, вплоть до почти прямых заимствований в его творчестве. Но Вазари и не пытался скрыть свое преклонение перед «молодым драконом» Флоренции. Но талант не измеряется в единицах, как сила тока, и роль Вазари в истории мировой культуры ничуть не меньше. А преклонение аретинца перед многими из тех, о ком он писал, как раз и определило своеобразный колорит его биографий. «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих от Чимабузо до нашего времени, составленные на тосканском наречии художником Джорджо Вазари из Ареццо, с полезительным и необходимым введением в различные искусства» – так называлось первое издание. Труд занял у Вазари десять лет, книга появилась в 1550 г., впоследствии претерпев переиздания; на сегодняшний день она издавалась уже на нескольких языках, биографии скомпонованы в русскоязычном варианте в пять томов. В 1568 г. книга вышла вторично, будучи слегка дополненной. Одно из главных дополнений – автобиография: Вазари рискует писать о самом себе. Особой ценностью эти биографии обладают как раз благодаря тому, что со многими из тех, о ком писал Вазари, он был знаком лично. Это помогает установить детали, которые съелись бы «острозубой Историей со временем». Упоминаются многие